

В А Л Е Н Т И Н
Т А Л Ь Ч Н И К О В
умиротворение

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентин Тальчников

Умиротворение

«Автор»

2026

Тальчников В.

Умиротворение / В. Тальчников — «Автор», 2026

На свинцовой глади северного плеса не остается следов: только тяжелая рябь, в которой размываются очертания бревенчатого скита, старые московские долги и лицо человека, цепляющегося за чужое весло. Где-то между обледенелыми перевалами Урала и бездонной карельской глухоманью затерялась граница между кровной мстью и вечным судом. Но когда эхо случайного выстрела стихает, а бетон чужих грехов наконец схватывается намертво, беглецу открывается простая истина: из замкнутого круга невозможно выйти. К нему можно лишь привыкнуть.

© Тальчников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гость из Москвы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Валентин Тальчников

Умиротворение

Глава 1. Гость из Москвы

Лодка перевернулась. Поверхность озера расплзлась в сильной ряби, где его дом отражался как последнее пристанище средневековых монахов. Гильза со щелчком выскочила из патронника и упала в сухую траву, тихо зашипев на влажной земле. Запах сгоревшего пороха тут же смешался с горьковатым духом болотного багульника и озерной тины.

Сева опустил карабин, прижался лбом к холодному дереву приклада и медленно выдохнул. Сердце колотилось ровно, почти лениво — так бывает, когда часами караулишь зверя и наконец делаешь то, ради чего сидел без движения под морсящим дождем.

Свинцовая гладь озера все еще ходила ходуном. Там, метрах в ста от мостков, среди расходящихся маслянистых кругов жалобно шипел распоротый борт дорогой резиновой лодки. Ярκο-оранжевый, кричащий о цивилизации баллон съеживался, превращаясь в бесформенную половую тряпку.

— Помогите! Твою мать... Стреляют! — разнесся над водой захлебывающийся, панический крик.

Это был он. Долгожданный гость. Человек, чьи фотографии Сева бережно хранил в ящике буфета среди старых рыболовных крючков и пожелтевших газетных вырезок. Тот самый «важный турист», решивший, что глухие северные озера — лучшее место, чтобы спрятаться от столичных кредиторов, старых грехов и чужих воспоминаний. Он ехал сюда почти три года. Сева ждал его четыре.

Он барахтался в воде, отчаянно молотя руками в тяжелом кашемировом свитере, который неумолимо тянул его на дно. Спасательный жилет он, конечно же, счел излишней предосторожностью для утренней прогулки по тихому плесу.

Сева аккуратно прислонил карабин к перилам веранды, натянул брезентовую куртку и не торопясь спустился к воде. Доски старых мостков скрипели под сапогами, отмеряя каждый шаг.

— Держитесь! — крикнул Сева, придав голосу как можно больше искреннего ужаса и растерянности. — Господи помилуй, вы живы?!

Он вынырнул, отплевываясь торфяной жижей, и уцепился за остатки весла. Лицо его побелело, холеные щеки тряслись мелкой дрожью. В его глазах еще не было узнавания — только первобытный страх утопленника.

— Кто... кто стрелял?! — прохрипел он, когда Сева подтянул багром край лодки и наклонился над водой.

— Грех-то какой... — Сева покачал головой, протягивая ему мокрое просмоленное весло, но не спеша тащить его на сушу. — Утка шла низко, прямо над камышом. Палец сорвался, проклятый артрит... Вы уж простите старика. Чуть человека не сгубил!

Турист судорожно вцепился в лопасть весла обеими руками, тяжело дыша и глядя снизу вверх:

— Вытаскивай меня... Скорее! Ноги сводит, она же ледяная!

Сева наклонился чуть ниже, так, чтобы свет тусклого утра упал на его глаза.

— Вытащу, конечно. Куда ж я денусь. Мы ведь столько лет не виделись, Аркадий Семенович. Нехорошо было бы утонуть прямо у порога. Вы ведь ко мне ехали, правда?

Его пальцы на секунду разжались, едва не соскользнув с мокрого дерева. Он замер в черной воде, перестав барахтаться, и в его взгляде дикий ужас перед глубиной внезапно сменился другим — тем самым, ради которого стоило потратить четыре года жизни и один меткий патрон.

Пальцы Аркадия на весле побелели до синевы, а зрачки расширились, поглотив остатки мутного утреннего света. В этом оцепенении, под тяжелым гулом озерной воды, время словно

треснуло и с тихим стеклянным звоном осыпалось назад — на семь этажей вверх, в сухой, пропущенный через фильтры кондиционеров воздух пентхауса на Пресненской набережной.

Тогда в воздухе не пахло тиной и гарью. Пахло дорогим парфюмом, остывающим эспрессо и полированным стеклом огромного стола переговоров, за которым они делили город.

Они были не просто партнерами — они были хищниками, загнавшими общую добычу. Контракт на редевелопмент промзоны лежал перед ними: пятьсот страниц гербовой бумаги, десятки печатей и подписи людей, чьи фамилии вслух произносили только шепотом. Аркадий тогда смеялся — открыто, победительно, запрокинув голову. Он только что налил в два широких бокала выдержанный скотч и подошел к панорамному окну, за которым вечерняя Москва пульсировала бесконечными цепочками огней, похожая на сложную электронную плату.

— Мы их сожрали, Сева, — сказал он, протягивая стакан и чокаясь так звонко, что звук отдался в висках. — Всех до единого. Теперь они будут кормиться только с наших рук.

Сева помнил, как сам тогда ухмыльнулся, глядя на темнеющую громаду города внизу. Ему казалось, что эта высота — навсегда. Что они стоят на вершине хребта спина к спине, и ни один зверь снизу не сможет подобраться близко. Он отпил виски, чувствуя обжигающее тепло, и отвернулся к окну, выискивая взглядом знакомые контуры набережной.

Но Аркадий больше не смотрел на город.

Сева уловил это краем глаза — через отражение в тройном стеклопакете, где сумерки делали стекло зеркальным.

Аркадий замер на полшага позади. Улыбка сползла с его лица так стремительно, словно ее смыло ледяной волной. Он медленно поднес бокал к губам, но не сделал глотка. Его взгляд — тяжелый, липкий, свинцовый — буравил затылок партнера с какой-то отстраненной, холодной точностью оценщика.

Так смотрят не на соратника, с которым только что взяли куш. Так смотрят на балласт. На единственную деталь механизма, которая осталась лишней перед тем, как запустить конвейер на полную мощность. В глубине его прищуренных глаз не было ни злости, ни торжества — только тусклый, лихорадочный блеск человека, который уже просчитал траекторию удара в спину и теперь лишь прикидывал, сколько времени уйдет на то, чтобы убрать пятна с дорогого паркета.

Сева тогда обернулся — и Аркадий тут же мягко улыбнулся, шутливо подняв бокал в безмолвном тосте. Но в памяти тот секундный взгляд в отражении выжегся каленым железом.

— Сева?.. — выдохнул Аркадий сейчас, захлебываясь болотной пеной посреди стылого карельского озера.

Кашемировый свитер окончательно намок и тянул его вниз, но в глазах тонущего человека больше не было мольбы о спасении. Там, сквозь ледяную воду и плеск волн, медленно проступало все то же выражение: цепкое, лихорадочное, оценивающее каждый сантиметр дистанции между рукоятью весла и тяжелым сапогом у самого края мостков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.